

и терпеливого страдания и есть суть русского национального характера, который проявляет себя только в кризисных, предельных ситуациях, обретая «покой» в «бурях».

Список литературы

1. Белов А. В. Московский университет // М. Ю. Лермонтов : энцикл. слов. / гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М. : Индрик, 2014. С. 267.
2. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород : Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 464 с.
3. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959.
4. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. СПб. : Акад. проект, 1996. С. 193–369.
5. Самарин Ю. Ф. Из дневника // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1972. С. 296–300.
6. Эйхенбаум Б. М. Примечания. Панорама Москвы // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 660–662.
7. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1, ч. 1. С. 1127.

И. А. Усанова (Калашникова) (Сургут)

Взаимоотношения России и Европы в творческой оценке Ф. И. Тютчева и И. С. Тургенева

Самоопределение России, национальная самоидентификация ее народа невозможны в изоляции, безотносительно других стран и, в первую очередь, государств Европы. Спор по поводу положения России в европейском мире, взаимоотношений Восточного и Западного начал в структуре общеевропейского исторического и геополитического пространства стал одной из важнейших страниц творческого диалога Ф. И. Тютчева и И. С. Тургенева, включенных в важнейшую для эпохи общекультурную полемику западников и славянофилов.

Тургенев в литературно-критических выступлениях, мемуарных заметках и личной переписке неоднократно указывал на свою принадлежность в этом споре к западническому лагерю, на огромное значение, которое приобрело в его личной и творческой судьбе прикосновение к западно-европейской культурной традиции: «Я бросился вниз головою в “немецкое море”, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн – я все-таки очутился “западником”, и остался им навсегда» («Литературные и житейские воспоминания» [3, т. 14, с. 9]).

Называя себя «европеусом» [2, т. 5, с. 73], «коренным», «неисправимым западником» [3, т. 14, с. 100; 2, т. 10, с. 143], писатель отмечал важную для него в западнической философии истории идею единства, органического родства русского и европейских народов. Тургенев замечает, что «и по языку и по породе» русский народ принадлежит к европейской семье, а потому «по самым неизменным законам физиологии» должен развиваться по той же траектории [2, т. 5, с. 67]. Писатель отказывается признавать неприступную границу между Россией и Западной Европой, видя в последней родственный для русских, «однородный мир», а Россию рассматривая в качестве «члена европейской семьи» [2, т. 7, с. 405]. Однако говоря о европейском влиянии на историю и культуру России, художник не склонен преуменьшать значение национальной самобытности и силы Родины, способной через все воздействия пронести нетронутой глубинную сущность своего народа: «Я полагаю, ... что нас хоть в семи водах мой, – нашей русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» («Литературные и житейские воспоминания» [3, т. 14, с. 10])¹.

Извечная, с «истергтыми локтями», антитеза «Запада, прекрасного снаружи и безобразного внутри – и Востока, безобразного снаружи и прекрасного внутри» представляется Тургеневу фальшивой, шитой белыми

---

¹ Постоянное присутствие неистребимой «русской сути» ощущал писатель и в самом себе. Об этом свидетельствует любопытный эпизод из тургеневской биографии, произошедший в Лондоне и запечатленный со слов самого писателя в «Воспоминаниях» В. А. Соллогуба. Тургенев рассказывал о случае, когда его пригласили пообедать в один из «высокотонных» клубов, где вся обстановка обдавала посетителя «холодом подавляющей торжественности», чрезвычайно свойственной западным обычаям, от которой писатель неожиданно пришел в крайнее иступление. «Что есть мочи я ударил об стол кулаком и принялся как сумасшедший кричать: Редька! Тыква! Кобыла! Репа! Баба! Каша! Каша!» (цит. по: [5, с. 250]). В. Н. Топоров характеризует эту «странность» Тургенева как необъяснимый с рациональной точки зрения срыв, вспышку гнева [1, с. 29], которую сам писатель, по воспоминаниям Соллогуба, истолковывал как проявление склонности «побаловать себя иногда русским словом».

нитками и сохраняющей живучесть лишь по причине своей простоты и удобоваримости. Но и при этих качествах, предрекает писатель, ничто не спасет эту теорию от зияющей бездны забвения (письмо к А. И. Герцену от 23 октября / 4 ноября 1862 г. [2, т. 5, с. 64]).

Одной из ключевых в историсофских взглядах Тютчева является идея противопоставления России и Европы, вызывавшая у Тургенева негодование. В ряде стихотворений, а также статьях и письмах поэта оппозиция Востока и Запада становится композиционной основой и идейным стержнем всего текста. Так, например, в переводе фрагмента из «Западно-Восточного Дивана» Гете Тютчев противопоставляет объятые разрушением Запад, Север и Юг «дальному» Востоку – патриархальному и цельному в своей основе [4, т. 1, с. 85]. Вместе с тем поэт отнюдь не был склонен усматривать бытийную несхожесть, разобщенность России и Западной Европы в той общественно-политической ситуации, которая сложилась в современную ему эпоху. Напротив, Тютчев подчеркивает и стремится доказать внутреннее единство европейского мира, в котором Россия представляет Европу Восточную – «законную сестру христианского Запада» («Россия и Германия» [4, т. 3, с. 118]). По мысли поэта-дипломата, «старшинство» Западной Европы по отношению к России отнюдь не отрицает ее права на собственное национальное бытие, отстаивать которое и стремится Тютчев в своих публицистических выступлениях. Россия и Западная Европа представляют собой, считает художник, «великое целое» («<Записка>» [Там же, с. 140]), органические связи которого основаны на единстве христианской веры, объединяющей западный и восточный миры.

Но в представших перед Тютчевым и его современниками исторических и социально-политических условиях эти два мира становятся по разные стороны баррикад: Россия оказывается втянутой в непрекращающуюся борьбу с Европой, обусловленную стремлением Запада сохранить главенствующее положение на мировой политической арене, «оспорить и опровергнуть историческое право России и даже отнять право *человеческое*, право на существование» (письмо к Е. Э. Трубецкой от 3 мая 1867 г. [4, т. 6, с. 225]).

Особое возмущение во всем нравственном существе Тютчева вызывает стихийная враждебность, охватившая всю Европу по отношению к России. Ненависть и постоянные приступы бешенства, фанатическая нетерпимость и непримиримость, по мысли поэта, определяют основу чувства европейца к России. Немцы, англичане, французы, у которых, с горечью замечает Тютчев, нет «никакой причины не любить Россию, питают к нам исключительно *физиологическую* и потому именно

неискоренимую и непреодолимую *антипатию*, расовую антипатию» (письмо к А. М. Горчакову от 10 апреля 1865 г. [Там же, с. 101]). В таком положении Россия вынуждена вступить в открытое противостояние с Западной Европой, и цель ее в этом противостоянии, считает Тютчев, — отстоять свое нравственное и национальное право на существование. В этой борьбе Россия, ослабленная экономической отсталостью и социальной неустроенностью, оказывается в опасной ситуации осуществления целей европейских государств.

Особенно остро понимание слабости и незащищенности России у Тютчева проявляется в период Крымской войны, которая оказала огромное влияние на формирование историософских позиций поэта. Крымская война оценивалась Тютчевым как предвестник мировой катастрофы, как демонстрация бессилия страны перед волей Запада.

Примечательно, что при всей своей вере в единство России и Европы Тургенев также не был лишен ощущения и понимания враждебности в отношении Запада к России: «Жить русскому за границей тоже не весело: не весело видеть, до какой степени все нас ненавидят, все, не исключая даже французов! Россия должна замкнуться в самое себя и не рассчитывать ни на какое внешнее сочувствие» [2, т. 11, с. 330]. Одиночество России в европейском мире, ее отторгнутость от европейской семьи немало беспокоят Тургенева, но он, так же как и Тютчев, стремится найти причины и объяснения этому.

По мысли Тютчева, существующее положение дел сформировалось по ряду причин, которые нашли отражение в динамике западной жизни. Истоки его — в искажении истинного христианства в католическом его варианте, в увлечении Запада ложными ценностными ориентирами, разлагающими его былую внутреннюю цельность. В стихотворении «Два единства» союзу, производимому при помощи грубой силы, «железом и кровью» [4, т. 2, с. 221], основанному не на нравственных узах и естественном взаимном влечении, а на варварском завоевании, поэт противопоставляет истинное единство, возникающее как органическая связь, сформированная на основе любви. Поводом к написанию Тютчевым этого лирического фрагмента явились события франко-прусской войны и объединение Германии в 1870–1871 гг., но при этом текст обретает и более широкое, историософское значение, которое значительно углубляет его смысл.

В противоположность западному католицизму, восточный вариант христианства, репрезентируемый в православии, по мнению Тютчева, гораздо ближе стоит к изначальным, истинным традициям и устоям

христианской веры. Поэт отмечает, что в России Восточная церковь стала как бы ее вторым, священным именем, ее синонимом, сущностной формой и выражением славянского народа («<Записка>» [4, т. 3, с. 137]). «Нигде, кроме как в России, не встретишь христианства столь *коренного*, христианства столь непосредственного, христиан, которые не воспитываются, а сами *рождаются*. Так же как дивные голоса в Италии», – пишет Тютчев дочери Екатерине 23 октября 1863 г. [4, т. 6, с. 50].

А в письме к жене Эрнестине Федоровне от 14/26 августа 1843 г. он замечает, что основы православия носят характер глубоко исторических форм русского народного сознания, являют собой единство национальной жизни и веры. В самой христианской обрядовости он открывает «величие несравненной поэзии, величие, покоряющее самую ожесточенную враждебность, ибо к чувству столь древнего прошлого неизбежно присоединяется предчувствие грандиозной будущности» [4, т. 4, с. 262]. Но, акцентирует внимание Тютчев, постижение этой сущностной поэтичности православия недоступно тем, кто приобщается к нему мимоходом, воспринимая в нем лишь «то, что нравится» [Там же, с. 262], фрагментарно, а не в его целостности.

Глубокое впечатление, которым поэт делится с женой в письме от 13 мая 1857 г., производит на Тютчева рассказ его дочери Анны о посещенном ею Троицком богомолье, о воспринятом ею радостном и праздничном настроении богомольцев, о пеших толпах верующих, стекающихся со всех концов необъятной России. «Если существует еще Россия, то она там и только там...» [4, т. 5, с. 256], – замечает поэт.

Историософские концепции Тютчева и Тургенева, репрезентируемые в их художественных текстах, статьях, письмах, отражали не только самобытные взгляды каждого из писателей, но и общекультурные настроения эпохи. Получившие европейское образование и не понаслышке знавшие характер западной жизни, художники имели возможность сопоставить два типа культуры, два характера менталитета, два образа мировосприятия, тем самым живее почувствовать своеобразие русской нации. Оказавшись «русскими европейцами», Тютчев и Тургенев были вместе с тем глубоко и прочно связаны с русской землей. Обоих художников объединяет уважение к прошлому России, тревога о ее настоящем и искренняя вера в будущее. Однако каждый из них находил особое основание для этой веры, своеобразные предпосылки для формирования собственной модели перспектив развития страны. Если в основе историософской концепции Тютчева лежало религиозное понимание судеб России, представление о православии как о творческом начале и средоточии своеобразия страны, ключе к постижению ментальности ее народа, специфики ее становления

в исторической перспективе, то для Тургенева религиозный фактор не играл главенствующей роли. Для автора «Отцов и детей» важнейшими были культурно-исторические предпосылки формирования русской народной жизни, главной из которых писатель считал русский язык. Восторгаясь в письме к гр. Е. Е. Ламберт от 12/24 декабря 1859 г. красотой, гибкостью, свободой русского языка, Тургенев с удивлением замечает: «Странное дело! Этих четырех качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе — а в языке они есть...» — но тут же приходит к многообещающему выводу: «Значит, будут и в народе» [2, т. 3, с. 386].

Список литературы

1. *Топоров В. Н.* Станный Тургенев : (четыре главы). М. : РГГУ, 1998. 190 с.
2. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т., в 15 кн. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1960–1968.
3. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1960–1968.
4. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма : в 6 т. М. : Классика, 2002–2005.
5. *Якобсон Р.* Заумный Тургенев // Якобсон Р. Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 250–253.

А. С. Сваровская (Томск)

Путевые очерки русских учителей: рецепция европейского мира

В 1890–1900 гг. в России ускоряется процесс институционализации экскурсионного дела: в структуре педагогических и туристических обществ появляются отделы и комиссии, специализирующиеся на организации экскурсий. Понятие «экскурсия», входившее тогда в массовое употребление, охватывало самые разные поездки. Их задачи располагались в диапазоне от чисто рекреационных до просветительских. Известен благотворительный фонд графини В. Н. Бобринской, по чьей инициативе предпринимались поездки русской демократической интеллигенции